

Культура. - 1994. - 19 февр. - с. 4.

ЖИЗНЬ И ЖИТИЕ

«Вкус верный, острый ум и нравов чистота»

Вчера в Липецке открылись традиционные театральные встречи. На сей раз они посвящены памяти В. Я. Лакшина, который был их неизменным участником и их нравственным и интеллектуальным центром. Именно с провинции начнется возрождение России — так считал этот выдающийся ученый.

«Разговор в пути» — называлась последняя телепередача, записанная Владимиром Яковлевичем Лакшиным. Горько сознавать, что разговор, который он вел с читателем и зрителем на протяжении трех с лишним десятилетий, оборвался на середине этого пути. Остались неосуществленными многие замыслы, ненаписанные задуманные книги. Не увидим мы и новых телепередач, в которых он с редким изяществом, артистизмом, эрудицией вводил многомиллионную аудиторию в пленительный и бездонный мир Пушкина и Островского, Толстого и Чехова.

Сейчас каким-то особым смыслом наполняется сказанное им в последние месяцы, как бы приобретающее характер завещания. Здесь мы прежде всего ищем ответ на вопрос: что же представляла из себя личность Лакшина, какие обстоятельства могли сформировать подобный характер?

Кажется, еще совсем недавно Владимиру Яковлевичу исполнилось шестьдесят лет. И по этому поводу в уютной гостиной Дома актера на Арбате собрались друзья — актеры, театральные критики, литературоведы, работники телевидения, учителя... На вечере Владимир Яковлевич с благодарностью называл имена тех, кто был ему особенно дорог. Вспомнил он Московский университет и своих учителей, прежде всего Николая Каллиникова Гудзия, которого Д. С. Лихачев назвал «совестью советского литературоведения». Владимир Яковлевич был слушателем семинара Гудзия у Л. Толстом. Учеником Гудзия был и А. Т. Твардовский, окончивший в 1939 г. МИФЛИ (Московский институт истории, философии, литературы), где тогда преподавал Николай Каллинович. Став редактором «Нового мира», Твардовский

обратился к Гудзию с просьбой рекомендовать для работы в журнале наиболее талантливых своих учеников. Гудзий охотно согласился. Таким образом, именно с его легкой руки началась деятельность Лакшина в «Новом мире».

Лакшин всегда был элегантен, артистичен. Искать корни этого артистизма, вероятно, следует в семье Владимира Яковлевича. На вечере в Доме актера он прочел воспоминания о своих родителях — актерах МХАТа, упомянул об «интеллигентности тона» (Чехов), которую сохраняли те, кто принадлежал к поколению основателей театра. Владимир Яковлевич встречал многих из них — О. Л. Книппер-Чехову, одноклассника Чехова А. Л. Вишневого и других. Может быть, с тех юных лет и началась его любовь к театру и актерам. Он написал замечательную книгу об Островском, писал о драматургии Чехова и Л. Толстого, участвовал в театральных фестивалях, встречах, в обсуждении спектаклей, легко откликался на приглашения провинциальных театров. Помню, как в Арзамасе на сцене местного театра мы — несколько человек, приглашенных из Москвы, во главе с Владимиром Яковлевичем смотрели «Чайку». Вдруг по окончании спектакля он предлагает нам сразу же выйти на сцену и начать напрямую разговор со зрителем — и сам же открыл эту импровизированную зрительскую конференцию.

Владимир Яковлевич ценил шутку и острое слово. Сам он обладал в полной мере этим даром. Возник как-то разговор о популярности, которую принесло Владимиру Яковлевичу телевидение — и он рассказал следующую историю: как-то он зашел в магазин «Российские вина» на Тверской. Очередь в кассу была такой большой, что он ос-

тановился в нерешительности: не уйти ли сразу? А может быть, на счастье, в очереди есть кто-нибудь знакомый? И, как бы отвечая на это желание, подошла некая дама со словами: «А я вас сразу же узнала!» И она сообщила, что видела его по телевизору, в торговле от этой передачи, пробовавшей многое в ее душе. Сказала, что написала на телестудию с просьбой повторить передачу. И закончила взволнованную речь восклицанием: «Ну как же я могла не узнать Гейченко!»

К одному из его устных рассказов оказалась причастна и я. Однажды на заседании Чеховской комиссии мы рассуждали о поездке в Ялту, на Чеховские чтения, куда Владимир Яковлевич поехать не смог. Зашел разговор о тамошних деньгах-купонах. У меня сохранился один купон (по тогдашнему курсу что-то около тридцати копеек), и я торжественно вручила его Владимиру Яковлевичу на дорогу в Ялту на следующие Чеховские чтения. А когда наша комиссия собралась в следующий раз в том же кабинете Владимира Яковлевича в редакцию журнала «Иностранная литература», он поведал нам печальную историю. У него где-то украли бумажник с документами и деньгами. «Там был и ваш купон!», заметил он, обращаясь ко мне с таким вздохом, как будто речь шла о самой большой ценности. Пропажка не находилась. Пришлось фотографироваться на паспорт... Но вдруг бумажник нашелся, его подкинули. «Конечно без денег?» — спросил кто-то из нас. «Ан нет! — радостно откликнулся Владимир Яковлевич, — там был купон!». И добавил: «Теперь ясно, какая валюта самая надежная».

Жизнь щедро награждала его сюжетами — смешными и трагикомическими. Однажды в Арзамасе Владимир Яковлевич вспомнил, что именно в арзамасской гостинице Лев Толстой испытал «арзамасский ужас» — страх смерти. Заботливые наши хозяева нашли за-

мечательного краеведа, знающего о городе все. Гостиница, где останавливался великий писатель, оказалась в самом жалком состоянии и, кажется, необитаемой. Мы останавливаемся во дворе, заросшем жухлой травой, и слушаем рассказ Владимира Яковлевича о Толстом. Но дом, оказывается, обитаем! Откуда-то из-под земли появляются обитатели трущобы, принимая нас за долгожданную комиссию, а Владимира Яковлевича — за главного, просят решить их судьбу. По их настоятельным просьбам (хотя Владимир Яковлевич и уверяет, что мы ничем не можем им помочь) идем в дом — увиденное подавляет. Глаза Лакшина становятся печальными. Арзамасский ужас продолжается.

В нем сочеталось, казалось бы, несочетаемое. Большой ученый, академически образованный человек, он замечательно пел романсы, аккомпанируя себе на гитаре. Любил и шуточные песни — например, о двух медведях, один из которых «сидел как следует», чего нельзя было сказать о другом.

В наше трудное время Лакшин стремился объединять людей, пробуждать в них «чувства добрые». Он всегда был готов внимательно выслушать оппонента, пойти навстречу разумному компромиссу. Но никогда бы не мог стать конформистом. Изменить тому, что он считал своими убеждениями, было для него невозможно. И, отстаивая их, он не боялся показаться старомодным. Ему было свойственно в высшей мере чувство внутренней свободы, той, что Пушкин называл «тайной свободой», той, которую боялся потерять Блок в последний год жизни. Нам всем будет очень не хватать его. Как не хватало Гудзия и Твардовского. Такие люди редки. Но повторим вслед за поэтом:

Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.

Е. САХАРОВА.